А. Д. СПЕРАНСКИЙ

Иван Петрович Павлов

В лабораторию Павлова я пришел в 1923 г. уже немолодым человеком, имевшим за плечами ряд лет работы в области теоретической и практической медицины. В то время я переживал личный кризис, был полон разочарования и недовольства медицинской наукой и формой моего участия в ней. Недовольство это не распространялось, однако, на самый предмет медицины, к которому, как и раньше, я испытывал интерес и влечение.

Вступая в павловскую физиологическую семью, сам я не предполагал изучать условные рефлексы для того, чтобы найти здесь будущую и новую свою специальность. Целью было через эту и возможные иные формы работы изучить классику физиологического эксперимента, основного метода исследовательской деятельности в биологии. Иван Петрович был об этом осведомлен и не счел препятствием к допуску меня в свою лабораторию. Естественно, что, вступив в нее, я пытался не только перенять всю сумму приемов, необходимых рабочей повседневности, но и по возможности проникнуть в систему движения самого дела, в манеру осуществления больших планов, в ту последовательность смены идей и фактов, которая определяет *ведение исследования*.

Вскоре мне очень повезло. Мое рабочее место оказалось в комнате, где Павлов проводил часть своего времени в наблюдениях и беседах с другими сотрудниками. Здесь обсуждались полученные данные, строились планы, переживались успехи и неудачи, шел горячий обмен мнениями и т.д. Мало-помалу я научился слушать и понимать, а временами заглядывать и в ту чудесную лабораторию, которую Иван Петрович носил в своем мозгу.

Некоторыми из возникших и окрепших в дальнейшем впечатлений и я позволю себе здесь поделиться.

Если в многолетней творческой работе Павлова попытаться найти основное, что определило каждый отдельный этап и свя-

зало их всех в единую жизненную задачу, мы должны будем сказать: *это расчет, это далеко идущая комбинация*, причем комбинация особенная, при которой в точности редко что удается предвидеть.

Наука, изучающая неизвестное, сама находится в его окружении. Когда она приступает к реализации своих планов, результат слишком часто отличается от того, что ожидалось. Лишь в случаях разработки вполне установленных положений, протоптанный путь приводит к знакомым предметам. *Но это уже не наука, а техника.*

Понятно отсюда, что молодой человек, приступая к научной работе, не всегда может рассчитывать закончить жизненный путь сведением в систему добытых им материалов.

Оглядывая жизненный путь Павлова, позволительно думать, что *он на это рассчитывал.*

Такая цельность не могла быть делом случая. Тем меньше она была следствием учета материалов, добытых другими. Павлов строил здание из кирпичей, которые им же самим изготовлялись. Вести и закончить такую работу можно лишь при условии, когда материал меняется вместе с планом, последний же в каждый данный момент согласуется с движением и сопротивлением материала. Эту форму рабочих отношений Павлов оценил еще на первых шагах своей деятельности, и потому в *наследстве его почти нет случайных вещей.*

Коротко говоря, *саму идею, руководящую исследованием, он держал под постоянным исследовательским контролем.*

В итоге более чем за шестьдесят лет борьбы и исканий он ни разу не попадал в ложное положение, никогда не чувствовал себя вынужденным менять позиции, *ибо не прекращал строительства новых.* Отсюда и факт всегда имел для него двоякое значение: как утверждение данной частной закономерности и как повод дальнейшей оценки создавших его положений.

В указанных условиях утрачивается абсолютное значение факта, и он дополняет свое лицо местом, которое занимает в системе.

Так намечается объединение предмета и метода.

Свою удачу исследователя Павлов создал своими руками. Ему были чужды опасения канонической критики. *Он не искал подтверждений, он искал доказательств и потому не боялся проверки.*

Новое в науке лишь тогда понимают, когда это новое можно просто присоединить. Когда же реакция присоединения не удается, когда неизбежным оказывается пересмотр старого, это

вызывает раздражение, достигающее нередко степени открытой вражды. Павлов также не избежал своей судьбы. Он был признан величайшим физиологом своего времени и, однако, в международной обстановке в какой-то степени был одинок.

Характерно, что он это предвидел. По некоторым признакам можно допустить, что еще смолоду он к этому приготовлялся.

Вот два характерных примера.

Еще в юности, будучи студентом университета, Иван Петрович вступил со своим братом Дмитрием в своеобразное соревнование. Каждый из них обязался научиться излагать любой сложный вопрос перед любой аудиторией и в любое время, делая это понятно и просто, хотя бы случайная аудитория оказалась пестрой. Прошло немного лет, и он приобрел репутацию спорщика, говорил нам: «То, что вы логически рассуждаете, значит, конечно, что вы не сумасшедший, но пока это и все».

Он понимал необходимость овладеть оружием логики, он им овладел, но не допустил себя до переоценки его действительной стоимости в делах исследования.

Другой пример.

Все знают, а многие даже помнят, что в период становления условных рефлексов в лаборатории запрещено было не только говорить, но и думать, пользусь привычными терминами психологии. Нарушение этого правила каралось. И сотрудники, и даже сам Иван Петрович ежедневно становились в тупик перед задачей нового словесного оформления явлений, по природе близких к психологическим. Оно определялось объективностью условий получения фактов. Но тогда и *все дело-то заключалось в этой гарантии*, давшей возможность поставить новые факты на одну доску с материалами других разделов физиологии. Этот героический период, создавший почти из ничего подлинную физиологию больших полушарий, требовал бдительности и борьбы со всем тем, что вторжением извне могло запутать, загрязнить, опошлить великое начинание.

Теперь, конечно, для всех ясно, что это не было ни капризом изобретателя, ни упрямством начетчика. Как только основные закономерности определились и была достигнута возможность перед лицом всего мира поставить вопрос о физиологии больших полушарий, Иван Петрович первым заговорил о высшей нервной деятельности в тонах, для того времени науке не свойственных. Внезапно он перестал бояться психологических терминов, *ибо почувствовал силу вызвать их на бой*, столкнуть с новой действительностью и в этом столкновении нащупать путь дальнейшей работы. Расчет всего предприятия вскрылся в момент, ког-

да победа была обеспечена, а единство системы сделалось для всех очевидным.

Не случайно однажды Павлов сказал навсегда запомнившуюся мне фразу: «Исследователю, кто бы он ни был, дано в жизни написать только одну книгу».

Может быть, самая яркая черта в характере Ивана Петровича — это удивительная цельность его натуры исследователя.

Исследование не было родом его занятий, его профессией. Это была форма его отношений к жизни вообще. И потому, чтобы учиться у Павлова, не требовалось быть непременно физиологом или врачом. В его идеях и начинаниях все стояло вне шаблона, все дышало своеобразием и поразительной новизной инициативы. Теоретик и практик, физик, биолог и математик находили здесь примеры руководства, действительные и полезные для самых различных областей исследования. Произошло это именно потому, что работа и жизнь Павлова были смешаны до полной невозможности их разделить.

Ему незачем было искать развлечений вовне, ибо наука удовлетворяла запросам и его ума, и эмоций. Все виды искусственного возбуждения и аффекта были органически ему чужды, ибо служили лишь помехой высшей из доступных ему радостей — ясности представлений. Наконец, отдых как смена предмета занятий никогда и никаких специальных усилий от него не требовал. Все, что совершалось вокруг, легко становилось поводом для проявления его неисчерпаемого исследовательского инстинкта. Ему все было интересно, все требовало разбора, догадок, эксперимента и выводов, в будущем все могло пригодиться.

Хорошо известно, сколько труда потратил Павлов на наблюдения за самим собой. Долгие годы следя за своим организмом с педантизмом и настойчивостью часовщика, он достиг понимания многих его особенностей и выработал ряд полезных привычек, несомненно способствовавших и его долголетию, и редкой сохранности сил.

Вспомню хотя бы об одной наивной и трогательной манере его приводить себя в состояние хорошей работоспособности в случаях, когда она почему-либо страдала.

Обычно это бывало по утрам, зависело же от пустяков: легкого нездоровья, мелочных неприятностей (забыл проверить или завести часы), иногда от случайных встреч. В такие дни, усевшись на обычном месте, Иван Петрович молча приступал к ритуалу протирания очков и делал это дольше обычного. Лицо сохраняло выражение брезгливое и чужое.

Большинству сотрудников предвестники эти были уже знакомы. Они делали вид, что ничего не замечают, так как каждый был занят своим делом. Однако в лаборатории всегда имелось несколько новичков, спешивших воспользоваться странной незанятостью Павлова, чтобы вступить с ним в беседу.

Обратная сторона такой «удачи» вскоре же выявлялась. Голос Павлова начинал звучать раздраженно, и дело доходило иной раз до порядочного шума. Справедливость требует отметить, что доставалось при этом далеко не одним новичкам.

В такой не раз повторявшейся истории самым замечательным был конец. В разгаре шума и связанных с ним других неприятностей вдруг все обрывалось, как по волшебству. Лицо Павлова прояснялось, глаза светились вниманием и доброжелательством, голос спускался до обычных тонов, а сам он спокойно и весело погружался в милую ему повседневность.

Таких примеров почти бессознательного учета Иваном Петровичем личных своих свойств и особенностей можно привести немало. Иногда это имело отношение даже к мелочам.

Так, при игре в городки он запрещал поднимать с земли и подавать ему палки, которые им были уже брошены. Когда, несмотря на запрещение, кто-нибудь все-таки поднимал и приносил ему палки, он сердито бросал их на землю и поднимал вновь. Оказалось, что и здесь имелся какой-то расчет, связь отдельных этапов, только в совокупности своей определявших целое. *В систему его игры входили все детали*, в том числе и поднимание палок.

Привычка все подвергать тщательному анализу и проверке, независимо от значения и сложности самой задачи, сделала то, что Павлов не знал скуки.

Помнится один маленький эпизод. Лет 10 тому назад Иван Петрович в компании с несколькими сотрудниками поехал в Колтуши для игры в городки. К вечеру следующего дня он должен был вернуться в город, мы же решили остаться. Предстояло отправить его на одноколке, не помню до ближайшей ли станции железной дороги или до линии городского трамвая (дорога одна). Это вызвался сделать я, неосторожно сказав, что дело это мне привычное, что еще мальчишкой я умел запрягать и править тройкой.

Слова мои со стороны Ивана Петровича немедленно вызвали совершенно откровенное и полное недоверие. Однако он не отклонил предложения, только тут же пустился все проверять. Я должен был перепрячь уже запряженную лошадь, проделав все это публично, под градом шутливых замечаний, насмешек и

наставлений. В течение всего пути мои кучерские приемы подвергались неустанной критике. Для этого были использованы буквально все поводы. И хотя в конце концов уличить в самозванстве меня не удалось, а на место мы добрались благополучно и вовремя, он сошел с тележки неубежденным.

Опыт этот больше не повторялся, но и однажды поставленный, он был проведен по всем правилам.

Таким Павлов остался и перед лицом смерти.

Небольшое недомогание гриппозного характера, с которым ему почти уже удалось справиться, внезапно осложнилось. Утро последнего дня застало его взволнованным и беспокойным. Пришедшим к нему врачам он озабоченно заявил, что чувствует себя необычно, как никогда раньше, что он забывает слова и произносит другие, ненужные, что он совершает некоторые движения непроизвольно: «Позвольте, но ведь это кора, это кора, это отек коры». Попытка разубедить его со стороны присутствующих здесь терапевтов не имела успеха. Иван Петрович попросту заявил, что не интересуется их мнением, и потребовал невропатолога. Проявленную им в период ожидания крайнюю нетерпеливость проще всего, казалось бы, объяснить общим болезненным состоянием. Однако это было не совсем так.

После приезда проф. М. П. Никитина, подробно обсудившего вместе с Иваном Петровичем тревожившую его нервную симптоматику, больной успокоился и вскоре уснул.

Потом уже выяснилось, что и здесь, в этом последнем своем наблюдении, Иван Петрович был прав. Вскрытие действительно показало наличие у него отека коры.

Когда спустя два часа больной проснулся, для всех стало ясным, что мы его потеряли. Но даже и в этот последний, короткий сумеречный период кипучая и вечно деятельная натура Ивана Петровича сумела себя показать. Он лежал тихо, в полузабытьи, из которого временами его удавалось выводить для питья или приема лекарств, и тогда каждый раз он непременно спрашивал: «Который час?»

Дважды он проявил беспокойство, пытался подняться, отбросить одеяло, спустить ноги, что было ему уже не под силу. Тогда он обращался к присутствующим: «Что же вы, ведь уже пора, надо же идти, помогите же мне».

В сущности, только в этом и проявился его бред.

<1938>